Когда я проснулась, был уже вечер. Берник, сидевший рядом, позвал доктора.

Я была так опустошена из-за того, что не смогла проснуться снова. Что мне оставалось делать?

Увидев выражение моего лица, Берник яростно закричал и уставился на меня красными глазами. Рядом со мной сидел Лив с таким же лицом.

— Ты в порядке?

Я подумала, что сейчас меня будут осуждать за то, что сделала, или допрашивать, но Берник спрашивал с беспокойством. Они не знали, что я все понимаю.

Я намеренно проигнорировала его слова, отвернувшись к окну.

Все это — просто сон. Так должно быть. Понятия не имею, почему у меня было такое зловещее чувство. Я взглянула на онемевшую левую руку. Берник, проследив за моим взглядом, продолжил, словно знал, что я хочу сказать:

— Святая вода полностью вылечила тебя в мгновение ока.

Не такой ответ я хотела бы услышать.

Мне ничего не хотелось, так что я попыталась закрыть глаза. Но тут открылась дверь и вошли Эрдос с доктором.

— Думаю, что было бы лучше дать принцессе время на отдых, ведь она потеряла много крови.

Услышав совет доктора, Эрдос заговорил:

— Розиана… — он обратился ко мне серьезно. Я не удостоила его даже взглядом.

Я была растеряна, не понимала, что происходит, мне нужно было время привести мысли в порядок. И тогда Эрдос, тяжело вздохнув, обнял меня. Его сердцебиение я слышала очень громко. Не говоря ни слова, он прижался к моей голове. Он делал это достаточно долго: видимо, был сильно обеспокоен.

В царящей тишине я слышала только дыхание детей и их сопение.

Это и называется отцовским сердцем?

Неожиданно перед моими глазами всплыл смутный образ отца, которого раньше не могла вспомнить.

И спросила себя: так ли выглядели бы мои мама с папой, увидев, как я умираю? Я видела мрачные лица Берника и Лива, которые стояли у моей постели. То же выражение было и на лице у моего друга Дживо.

Я не знала, каково это — иметь семью, но знаю, что, если Розиана в самом деле очнется, она будет расти искренне любимой.

И почему-то мне стало горько.

***

Конечно же, я — не Розиана. И никогда не смогу ею стать. Но все эти люди звали меня Розианой, потому что это тело принадлежало ей.

Когда все вообще пошло кувырком? Когда я прочла роман по просьбе друга? Или когда наглоталась таблеток, чтобы умереть? Или когда спрыгнула в реку Хань?

Зная, что все это беспокойство погоды не сделает, я все равно продолжала мучиться. Мне хотелось бы воспользоваться более надежным способом, чем перерезание запястий. Если бы я проткнула себе горло, наверное, проснулась бы.

Я посмотрела на свои запястья: теперь, благодаря силе святой воды, они были чистыми и невредимыми, хотя была уверена, что умру. Как жаль, что рана затянулась, не оставив следов.

Я когда-нибудь проснусь? На самом деле, у меня появилось смутное ощущение, что и не сплю вовсе.

Прошло уже четыре дня, и не казалось, что я смогу проснуться. Я могла чувствовать боль, и все ощущения были такими же яркими, как и в реальности. Может, мне и на самом деле пришлось стать Розианой де Эстерия? И я на самом деле Розиана, очнувшаяся от комы.

— Желтая шапочка пошла к бабушке. Помни, что она сказала: берегись оборотня… — прочел Берник.

Королевская семья уверенно притворялась, будто не знает, что произошло вчера, а я не осмеливалась об этом упоминать, так что об этом решили забыть.

Я задумчиво лежала в постели и думала, что все это — просто пустая трата времени, но сказка, которую читал мне Берник, меня всерьез беспокоила. Слова здесь были неправильные. Должно

быть «Красная шапочка».

И тут Берник, оторвав голову от книги, спросил:

— Не смешно? Хорошо, сестра, как насчет этой книги?

Неожиданно он взял другую сказку. Эту книгу держал в руке Лив.

Так они и тратили время, хотя знали, что Розиана не поймет ни слова. Может, потому, что они семья? Что вообще такое «семья»?

— Принцесса Подснежник и семь гномов, — сказал Лив.

Правильно — «Белоснежка». Игнорируя их, я усмехнулась. Тогда Берник подоткнул одеяло к моему подбородку.

— Все равно холодно.

— Все в порядке, сестра. Именно в такие дни и простужаются.

В конце осени дуют холодные ветры подкрадывающейся зимы. Я немного крепче закуталась в свои постельные принадлежности, закрыла глаза, и тут же вокруг стало тихо.

— Почему ты молчишь, Розиана? В чем дело?

«Дети с раннего возраста слышат чужую речь, и пока они это делают, естественным образом накапливают запас из тех слов, что часто слышат. В шесть месяцев они лепечут, а к году их владение языком стремительно развивается. Они выучивают больше сотни новых слов за месяц-два. Однако сколько бы энергии ни крылось в хрупком теле принцессы, когда она очнулась, она ничем не отличалась от младенца. Так что нет ничего странного в том, что она не может сказать ни слова. Конечно, я не могу быть уверена, это просто предположение...».

Я закрыла глаза, вспоминая разговор, который состоялся этим утром между Эрдосом и доктором. Детям полагается хныкать, есть и спать, а не вставать и бродить, как Розиана.

http://tl.rulate.ru/book/55766/1527452